

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

КОРПОРАТИВИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ: СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ОТДЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ И АССОЦИАЦИЙ ЛЮДЕЙ

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)

Корпоративизм рассматривается как важнейший элемент городского уклада Средневековья. Появление гильдий, корпораций, братств решало проблему баланса интересов государства, личности и общества. Понятие корпоративизма как формы социальной организации имеет давние корни в европейской истории. Указываются основные признаки корпоративного устройства, проводится разграничение понятий «гильдия», «братство», «корпорация». Выясняются причины противопоставления корпораций архаичным формам экономической деятельности и этатистской традиции. Явление корпоративизма анализируется с позиций наших дней, в практике тоталитарных и демократических государств. Западные демократии по способу принятия решений разделены на корпоративные и плюралистические, рассмотрены позитивные и негативные проявления таких устройств. Показано сходство корпоративизма и конституционной идеи в историческом и современном контексте.

Ключевые слова: корпоративизм, община, город, гильдия, право, структурализм, гармония, конституционализм, плюрализм.

Введение. Корпоративизм как форма социальной организации имеет глубокие корни в европейской истории. В наш век индивидуализма непросто представить, что ранее индивиды полностью были подчинены группам, к которым принадлежали. Участие в них не было добровольным, чаще всего они формировались по профессиональному признаку (могли быть и религиозные объединения), но наибольшее значение обрели те, которые существовали по экономическим причинам – цехи и гильдии. Все эти объединения принимали активное участие в жизни города. Корпоративный уклад конституируется как «община» с собственными органами управления, избранным советом для принятия решений, автономным судом и городским правом. Городские сеньоры, епископы, знатные роды и богатейшие кланы вынуждены с этим считаться, открытая узурпация власти становится невозможной. Здесь зарождается жизнь нового типа.

Основная часть. В Европе складывается кризисная ситуация, которую описывает В.М. Розин [1, с. 180]. Если в Средние века государство, за редким исключением, как социальный институт еще не сложилось, начиная с XVI в. оно не просто вступает в силу, но начинает определять основные социальные процессы (церковь отходит на второй план), в значительной мере подавляя личность и общество. Следующий этап, как реакция общества и личности на подавление государством свободы, – формирование демократических и правовых механизмов, позволяющих установить баланс интересов государства, личности и общества. Право начинает выполнять важную роль – согласовывать и разграничивать жизнь указанных субъектов (образований), и строится оно на основе рациональных соображений, удовлетворяя новым социальным и хозяйственным требованиям. Ответом на них стало появление невиданного субъекта – корпорации как юридического лица. А.Л. Рогачевский [2, с. 38] пишет о чрезвычайной плотности «социальной ткани» в средние века (приход, община, гильдия, корпорация, братство, ложа) и невозможности существования вне группы; «неестественном» и подозрительном характере индивида, не включенного в сеть социальных связей.

За авторитетное возьмем мнение М. Вебера из труда «Протестантская этика и дух капитализма» (писался в 1904–1905 гг.) [3]. Смысл его рассуждений сводится к тому, что расчет, организация производства, инвестиции и обмен на протяжении долгого времени были невозможны, ибо отсутствовали *необходимые правовые условия*. Особое значение имело постепенное развитие той области права, которая регулирует деятельность юридических лиц. Различение в правовой системе корпорации и семьи сделало возможными учет результатов экономической деятельности и новые формы ее организации. Корпоративное право дало жизнь и бесприбыльным организациям, и предприятиям, созданным ради получения прибыли. Главным нам представляется тот факт, что оно породило практически бесконечное разнообразие форм свободного объединения людей. Корпорация – главное действующее лицо нового экономического порядка. Возможности корпорации намного превосходят возможности отдельной личности, ведь как «юридическое лицо» она существует по закону. Торговля и инвестирование требуют стабильности

и мирного разрешения конфликтов, поэтому, хотя закон во всех странах и ограничивает права юридических лиц, корпорация кровно заинтересована в совершенствовании законодательства. Следовательно, такой экономический уклад неизбежно породит новые политические и юридические порядки, в основе которых традиция демократического капитализма.

Корпорации олицетворяли новую форму социальной организации, но правовую основу имели в римском праве. Типичным примером является «Книга правосудия» из Орлеана (ок. 1260 г.), где изложены правила образования корпораций, основанные на «Дигестах» Ульпиана. Так, «Книга правосудия» § 2 гласит: «Корпорация может быть создана только на основе четкого соглашения, и ей принадлежит только то, что в нем оговорено. Корпорация может создаваться и иметь юридическую силу и в случае имущественного неравенства сторон. Тогда бедный вносит своим трудом и умственными способностями такую же долю, как богатый деньгами и земельными владениями» [4, с. 192]. Конечно, это не было юридическим лицом в современном понимании (тогда использовали термины: фиктивное, надуманное, воображаемое лицо), но исходное понятие об обществе (*universitas*) отличалось от имевшего тогда распространение обыкновенного товарищества (*societas*). В любом случае корпорация – отдельное лицо как единое целое.

Возникновение корпораций невозможно понять без их предшественников – гильдий и представительских ассамблей, что и привело к созреванию идеи меритократии (от лат. *meritus* – достойный и греческий *krotos* – власть; буквально: власть наиболее одаренных). Концепция демократии и прав свободного человека стала формироваться в привычном нам понимании лишь с признанием идеи заслуженности, но этот посыл на основе здравого смысла в эпоху Нового времени стал подменяться тенденцией элитарности внутри рациональных элит. Из всего этого, полагает Джордж Фридман [5, с. 91], история вывела две дороги: одну – к демократическим революциям, другую – к принципу меритократии – власти людей, обладающих выдающимся умом (увы, зачастую верх стали брать не более разумные и рациональные личности, а те, кто лучше остальных научился убеждать или даже навязывать свои идеи и концепции). В историческом контексте события развивались следующим образом.

После падения Западной Римской империи за образец можно взять те времена, когда свободные люди племен Северной Европы жили большими семьями. С самого начала развитие демократии несло в себе идею союза равноправных. Как полагает Дж. Ролстон Сол [6, с. 346], именно тогда самые ранние попытки достичь равенства привели к созданию гильдий в Скандинавии и Германии (германское слово *гильдия* эквивалентно латинской *корпорации*). На этих собраниях произносились клятвы и заверения, поэтому неудивительно их быстрое превращение в общества самообороны и взаимопомощи. К VIII в. они широко распространились по всей Англии, но много раньше на континенте общее собрание свободных воинов-германцев (тинг, гемот, фольксмот, альтинг) выступило прообразом западноевропейских сословно-представительских учреждений.

Считается, что образование первой известной гильдии относится к первой половине XI в. Члены Кембриджской гильдии клялись друг другу в братской преданности: «Если один из нас поступает неправильно, пусть все несут за это ответственность» [6, с. 346]. О такой круговой поруке говорится в подписанной ими Хартии. Но еще ранее возникли представительские ассамблеи, формируемые из делегатов (донормандская Англия, Арагон, Кастилия). Свободные ассоциации представляли собой серьезную силу еще до появления королевских династий в Европе, а когда постепенно крепнущие монархии принялись прибирать к рукам всю власть, то и концепция свободного человека в составе свободного объединения стала подвергаться постоянным атакам со стороны королевской власти. Карл Великий предпринял серьезные попытки контролировать гильдии, но в той же Англии их базовые структуры не тронули. Даже в Великой Хартии вольностей 1215 г. определялся статус не только короля и баронов, но и «всех свободных людей» [7, с. 133]. Документ подробно оговаривает эти права.

Массовое появление гильдий, полагает П.А. Кропоткин [8, с. 176], стало возможным по мере того, как разнообразились занятия, ремесла и искусства, увеличивалась торговля с отдаленными странами, т.е. потребовались новые формы единения. Подобные организации образовывались всюду, где только появлялась группа людей, занимавшихся общим делом. Две руководящие черты характерны для гильдий: равенство всех и обладание собственностью. По мере того, как задачи жизни все более усложнялись, соответственно разрасталось разнообразие гильдий, были даже гильдии «рабов, нищих, палачей, проституток» [8, с. 181]. Все они были организованы на двойном принципе собственной юрисдикции и взаимной помощи, вводился человеческий, братский элемент, а не формальный, что составляет существенную особенность государственного вмешательства. Первые гильдии являлись не только военными, но и религиозными братствами. Несмотря на то, что «с возникновением городов в последние десятилетия XI столетия распространились купеческие, благотворительные, ремесленные и иные гильдии светского характера, они, однако, сохранили сильные религиозные черты, в целом беря на себя заботу о духовных, а не только материальных сторонах жизни своих членов» [9, с. 366]. Внутри коммуны гильдии были связанными братствами, члены которых были связаны клятвами защищать друг друга и служить друг дру-

гу. Можно сказать, что и город организовывался как ассоциация маленьких общин и гильдий, а это было всегда не по нраву суверену.

Все это свидетельствует о том, что исторически западное общество было в высшей степени плюралистичным. Очень рано там возникли самые разнообразные автономные группы, не основанные на кровном родстве или узах брака. Как пишет С. Хантингтон [10, с. 97], начиная с VII–VIII вв. эти группы сначала включали в себя монастыри, монашеские ордена и гильдии, затем они расширились и к ним во многих регионах Европы присоединились множество союзов и сообществ. В конечном счете свободные общины, сильная и автономная аристократия, независимая церковь сыграли свою роль в сдерживании тех пределов, в которых смог прочно укорениться среди европейских народов абсолютизм. Гильдии в данном случае мы бы отождествили с гражданским обществом, которое всегда выступало оппонентом централизованным бюрократическим государствам. В других западных обществах все было иначе.

Конфликты между свободными людьми и королями начались задолго до того, как гильдии стали объединениями ремесленников по профессиональному признаку. Профессиональные гильдии не отказались от принципов старых гильдий. Они также опирались на идею объединения свободных людей в добровольные союзы, но дополнили ее системой обязательств. В языческой Северной Европе союзы гильдий с самого начала были связаны клятвами или контрактами, которые переквалифицировали индивидуальные обязательства в групповые. В то время как права свободного человека постепенно расширялись, росло и число обязательств. В этом и заключается «идея заслуженности». Свободный человек должен был и оправдывать свое место в ассоциации, и заслужить его. Если кого-то избирали представителем, теоретически это был лучший из всех возможных, а не просто старейший или имевший самый высокий унаследованный статус. Ремесленник в своей гильдии занимал соответствующее место благодаря мастерству и профессиональным навыкам.

Когда началась христианизация Северной Европы, гильдии уже давно существовали (слово *Gilde* немецкого происхождения дословно означает объединение, союз [11, с. 163]). Христианство хорошо сочеталось с идеей свободного человека в добровольном союзе, ведь главной идеей церкви было равенство всех людей перед Богом. В данном случае это «германское» понимание корпорации, которое отражает представление о ней как товариществе, имеющем групповую личность и групповую волю. В таком случае как сообщество христиан рассматривалась церковь. Но параллельно существовало и «римское» понимание корпорации [9, с. 213], которое основывалось на «учреждении», создаваемом вышестоящей политической властью. Например, церковь (мыслимая как структура) представляла корпоративную организацию – «консолидированного субъекта» [12, с. 204]. Средневековое понимание сочетало в себе оба понятия, но конфликты между такими сущностями были неизбежны.

Конечно, церковь, так же, как и монархии, развивалась, усложнялись и ее пирамидальные структуры, призванные контролировать население. Но отправной христианский тезис не менялся, а в эпоху Реформации он был прочтен заново, с акцентом на равенство всех людей перед Богом вследствие своих моральных и общественных обязательств. Такое обновленное прочтение стало играть главную роль в утверждении принципов демократических свобод.

Демократия возникла в разных частях западного мира «как продукт развития здравого смысла, что к развитию интеллекта вряд ли вообще имело отношение» [6, с. 348]. Эта оригинальная мысль подтверждает старый тезис о том, что демократия была и остается органическим продуктом развития общества, связанного с человеческим чувством нравственности. Ни то, ни другое не имеет структуры и не является продуктом развития разума. Поясним на примере. Когда в XVIII в. многие французские философы (Монтескье и Вольтер в т.ч.) обратили внимание на Англию и обнаружили там «справедливое общество», они толковали это как достижение упорядоченной государственности. Но в том, что они приняли за упорядоченную государственность, на самом деле было совершенным проявлением высокоразвитого племенного вождизма, которому, по причине островного положения Англии, не могли мешать внешние силы. Таким образом, только с течением времени становится видно, что врожденное чувство нравственности и естественная меритократия каким-то образом противоречат действенным рациональным структурам. Идея о свободном человеке или идея гильдий были лишь примитивной версией участия гражданина во власти через гражданское общество. Концепция разумного состояла в том, что такое участие реализуется членством в элите. Но это к свободному объединению имело отдаленное отношение.

В городе корпорации, братства и гильдии, обеспечивающие экономическую, физическую и духовную защиту своих членов, не были теми эгалитарными институтами, какие следует идеализировать. Об этом хорошо сказано у Ж. ле Гоффа [13, с. 353]. Он пишет, что, контролируя труд, корпорации более или менее эффективно боролись с обманом, браком и подделками, регламентируя производство и сбыт, но устраняли конкуренцию, будучи по сути протекционистскими картелями. Однако под видом «справедливой цены», которая была не чем иным, как рыночной ценой, корпорации позволяли функционировать

естественному механизму спроса и предложения. Протекционистская в локальном плане, корпоративная система была свободной в более широком контексте, в который вписывался город. Из этой свободы прорастало социальное неравенство, которое корпоративная система лишь усиливала.

Но и на локальном уровне протекционизм действовал в интересах меньшинства. Корпорации имели иерархическую структуру, и если ученик рассматривался как потенциальный мастер, то работник, подмастерье, оставался низшим без всякой надежды на продвижение. Но все эти гильдии, братства, коммуны, корпорации, общины как «горизонтальные» сообщества противопоставляли себя феодальной вертикальной иерархии, выступали как новая реальность, вызов безнадежно устаревшему социально-политическому строю. Демократизм гильдий подчеркивает и тот факт, что в них обычно входили и женщины, в соответствии со своими занятиями. Парижский прево Этьен Буало [13, с. 484] в конце правления Людовика Святого регламентировал (впервые в Европе) парижские корпорации *«Книгой ремесел»*, составленной в 1260–1270 гг. и содержащей статуты парижских корпораций для лучшего наблюдения за их применением.

Принадлежность человека к конкретной профессиональной структуре не всегда можно было определить. Одно дело – ремесленники, другое – люди искусства, свободных занятий. Например, Умберто Эко пишет, что «если миниатюрист обычно монах, а каменщик – связанный со своим цехом ремесленник, то ... поэт – это почти всегда придворный художник, связанный с аристократией и весьма уважаемый своим господином» [14, с. 241]. Для людей творческих профессий радость быстрого успеха и личной известности очень важна, поэтому они пребывали вне корпораций, братств и гильдий, где оцениваются коллективные усилия и результаты труда носят анонимный характер. Как истовые христиане люди Средневековья считали, что оригинальность – грех гордыни, «религиозные, социальные и психологические обстоятельства способствовали выработке смирения и ... тяге к анонимности» [14, с. 239].

Любое творчество всегда связано с осознанием проблемы собственного достоинства. Как только архитектор или скульптор притязает на личную славу, он желает оставлять на своей продукции именные клейма, подписи, аббревиатуры. Иными словами, незаурядный творец (пусть даже и ремесленник) обретает новый статус, он уже не принадлежит Средневековью, зарождаются иные тенденции, на горизонте – Новое время. Однако его наступление означает упадок корпоративизма, не допускающего и мысли о личном достоинстве индивида. Таким образом, естественное различие между ремесленными и свободными искусствами, возвышение последних (даже если они и не сообщали научных и религиозных истин) означает выход за рамки системы, начинает отчетливо осознаваться наличие новых ценностей. До откровения Декарта оставалось совсем немного.

Важную роль в жизни корпоративного города играли юристы (нотариусы), которые «не только занимались обслуживанием отдельных компаний внутри гильдии, оформляя титулы и контракты и выступая (в качестве адвокатов) представителями в судебных процессах и других формах разбирательства споров, но и непосредственно помогали в управлении гильдиями и городом» [9, с. 367]. Далее Г. Дж. Берман пишет, что юристы часто сопровождали муниципальных должностных лиц (купеческих консулов, подест, мэров), когда те отправлялись разбирать споры. Они составляли официальные документы, проекты местных статутов, организовывали выборы, писали письма в соседние города или сеньорам, толковали городские хартии. Иными словами, с самого раннего этапа развития городов как автономных политических образований юристы играли важную роль в решении каждодневных проблем. Юристы относились к корпорации лиц свободных профессий, как врачи и судьи.

Корпоративный уклад, стоящий на защите частных или профессиональных требований, противопоставляет себя не только архаичным формам экономической деятельности, но и, что представляется более важным, – этактической традиции. Не случайно все правительства так ненавидят корпоративные организации. Корпоративизм, подорвавший средневековую феодальную экономику, оказался неугоден и в эпоху Нового времени. Анализируя исторический процесс во Франции, Ги Сорман так отследил цепочку событий: «В 1776 году корпоративные организации были ликвидированы Тюрго во имя свободы личности и экономической эффективности. Реакция оказалась настолько сильной, что Людовик XVI был вынужден их восстанавливать. В свою очередь Великая французская революция запретила их еще раз 4 августа 1789 года. Но они возродились в XIX веке в виде профессиональных товариществ. Наконец, Петен вновь дал им жизнь с целью свести на нет классовую борьбу и уничтожить саму память о французской революции. Этот исторический факт нанес корпоративизму удар, от которого он не может оправиться и поныне. В глазах общественности корпоративизм до сих пор ассоциируется с фашизмом» [15, с. 29]. Италия и Германия, принято считать, – характерные примеры, но последняя – в гораздо меньшей степени. Дело в том, что немецкий нацизм включал в основу своей цельной политической программы расовую и арийскую теории, философию державности и «ницшеанский» культ сверхчеловека, к тому же он имел четкую антихристианскую и неоязыческую окраску. Немецкий нацизм был уникален, элементы корпоративизма в нем угадываются с трудом. В практике тоталитаризма «сфера профессиональной и хозяйственной

деятельности почти целиком подчиняется государству и тем самым делается частью самого государства» [16, с. 134]. Однако и фашизм, и нацизм в зародыше умело душили демократию.

В 20-е годы XX в., накануне установления многочисленных диктаторских режимов, во многих западных государствах демократические функции были сведены до некоего процесса, что привело к нарастанию разочарования, если не негодования, и среди избираемых, и среди избирателей. «Это разочарование, – пишет Дж. Ролстон Сол, – все чаще эксплуатируют группы организованных интересов – то, что во времена Муссолини называлось корпоративными интересами. Суть корпоративности в том, что каждая группа имеет собственную цель, организацию и финансовые ресурсы. Такие групповые интересы отрицают демократию, которая зависит от того, какой вклад в нее вносит каждый отдельный гражданин» [6, с. 336]. Этому есть объяснения, на которые указывает Юрг Штайнер [17, с. 123], изучая историю корпоративного движения.

Волею исторического процесса понятие демократии, основанной на индивидуализме и соперничестве, привело Европу в XIX в. к многочисленным волнениям, столкновениям и кровавым революциям. В результате она была откинута назад, что сопровождалось ностальгией по старым порядкам, в основе которых – гармония и сотрудничество. Демократия, соответственно, представлялась явлением, разделяющим людей и противоречащей законам природы. В 1922 г. Муссолини, вооруженный такими взглядами (Умберто Эко [18, с. 58] доказал, что у итальянского фашизма не имелось собственной философии), сбросил хилую итальянскую демократию и установил фашизм, основанный на корпоративной форме управления. Теоретическая база, безусловно, имела место: «Претендуя на историческое обоснование своих взглядов, идеологи итальянского фашизма ссылались на теорию сильной власти Н. Макиавелли, концепцию общества-государства Т. Гоббса, сакрализацию государственной идеи у Г. Гегеля» [19, с. 453]. Но здесь больше мифологии, чем политической теории, чего Б. Муссолини никогда и не скрывал, а когда дуче «попытался навязать милитаристскую идеологию Италии, как оказалось, его фашистская партия была построена на песке» [5, с. 241].

Идея такова: воля народа должна быть представлена не политическими партиями, а естественными экономическими силами общества (фермерами, бизнесменами, рабочими), и с этой целью должна быть созвана общенациональная ассамблея. Поскольку к экономическому сектору так или иначе принадлежит каждый человек, то представленными будут интересы каждого человека. Эти интересы не антагонистичны, они служат на благо всей страны. Необходимо только, чтобы дуче – сам Муссолини – дал четкие ориентиры, по которым должно жить общество. Здесь и начал использоваться древнеримский термин *Fasces*, означавший единство и силу. Фашистское корпоративное государство отрицало партийные принципы управления, что отличало его от иных политических режимов. Предполагалось, что «разнообразные корпорации исполняют столь же взаимно необходимые функции в обществе, как органы единого живого организма. Теоретики фашизма верили, что путем выделения таких естественных структур и осознания их членами взаимной пользы удастся преодолеть классовые антагонизмы и социальную несправедливость» [19, с. 340]. Своеобразие феномена итальянского устройства состоит и в том, что возможными становились корпорации различных отраслей хозяйства вне зависимости от конкретных профессий работников, они включали в себя как руководящий персонал, так и рядовых тружеников – т.е. всех людей, которые были задействованы в их структурах. Но отказ от признания партийного устройства не подтвердился на практике, поскольку корпорации создавали не сами трудящиеся, а правящие партии, что лишало их элементов самоуправления. В этом их отличие от городских корпораций Средневековья.

Фашистская Италия разрешала частную собственность, точнее сказать, мирилась с ее существованием. Однако это была собственность в особом и ограниченном смысле слова. Она напоминает условное владение, оставлявшее государству возможность вмешиваться в дела собственника. Этот государственный социализм, как и в гитлеровской Германии, имел в виду, что частные предприятия будут работать на государство. Так оно и произошло, что доказывает пример с экономическими корпорациями. Последние, как пишет Р. Пайпс, «показали себя податливыми, готовыми подчиняться любому контролю и регулированию, если сохраняются их прибыли» [20, с. 282]. Но по мере милитаризации Италии и раздувания угрозы внешнего врага провластные идеологи закономерно пришли к выводу, что все частные интересы должны быть подчинены государственным потребностям.

Уже в 1920-е годы Муссолини вмешивается в дела корпораций, «поправляет» уровень прибылей и принуждает частные фирмы признавать профсоюзы своими равными партнерами, а «итальянское профсоюзное движение полностью регламентируется и подчиняется государству, оно утратило всякую самостоятельность» [16, с. 569]. В реальности «корпоративная система, введенная законом в 1926 году и «хартией труда» 1927 года, не соответствовала представлениям фашистских синдикалистов о «гармоническом» равноправном сотрудничестве работодателей и работников» [19, с. 337]. Все организации при тоталитаризме создавались с заранее определенной целью по спущенному сверху директивному плану, о чем блистательно изложено в работе Ф. А. фон Хайека «Дорога к рабству» [21]. В ряде случаев были заме-

нены правления частных корпораций, т.е. государство регулировало деятельность корпораций так же, как и рабочих. В условиях непризнания частной собственности право не работает, государственный закон – всего лишь орудие власти. Упразднение этого дуализма фактов и норм является проявлением гегелевской *философии тождества* – тождества идеального и реального, права и силы, что отмечено К. Поппером [22, с. 472]. Можно сказать, что муссолиниевский идеал корпоративного устройства общества таковым оставался лишь в риторике дуче, на деле же осуществлялся проект тоталитарного государства с плановой экономикой и неуклонным подавлением частной инициативы, в том числе и со стороны корпораций.

Концепция корпоративизма после Второй мировой войны пришла в упадок, поскольку отождествлялась с фашизмом и антигуманизмом, монополизмом и расправами со всеми недовольными. Корпоративный тоталитаризм – прямая противоположность демократии, с его помощью общество раздробляется и поэтому над ним легче установить контроль, не считаясь с какими бы то желаниями индивидов или социальных групп. Не случайно важнейшим проявлением такого извращенного корпоративизма «выступал отказ от атомизации индивидов, образующих нацию в условиях либеральной демократии» [19, с. 341]. Для фашистского устройства индивид мыслим лишь в рамках государства, которое никогда не было сообществом независимых и свободных граждан. Это претило европейской традиции, ведь индивидуализм – отличительная черта Запада.

В дезориентированной Веймарской республике корпоративизм, патернализм и привлекательная идея социального государства способствовали укреплению концепции государства «как надзирателя, наблюдающего с твердой, но добронамеренной заботой, за жизнью своих граждан» [23, с. 145]. Это была философия Платона, а результат был корпоративный. В конечном итоге все закончилось тоталитарным нацизмом с картельным монополизмом и разрушением частных корпораций. Но превратности истории не должны затемнять главное.

Корпоративизм средневековья и развитого капитализма – разные явления. И дело здесь не только в социально-экономических изменениях, полагает Михаил Хазин [24, с. 30]. На протяжении многих столетий средневековья в Европе было корпоративное цеховое производство, которое очень жестко ограничивало производство товаров – как по номенклатуре, так и по качеству. В таких условиях перепроизводство просто невозможно. И только с XVI в., когда на севере Европы началась катастрофа, связанная с климатическими изменениями (массовые голодные смерти, эпидемии, социальные бунты), цеховая система была трансформирована в капиталистическую. Тогда наступил так называемый Малый ледниковый период, резко упала урожайность и стало понятно, что нужно резко увеличивать выпуск товаров, чтобы выжить. В первую очередь это касалось северных стран, где урожаи упали сильнее всего. Излишки товаров можно было менять на продовольствие в южных регионах. Отсюда – промышленный рост Севера

и отсталость Юга. Но для того чтобы резко увеличить производительность труда, стали активно использовать ссудный процент, который ранее применялся только для торговых операций. До XVI в. ссудный процент не был основой жизни, а после XVI в. – стал. В результате Реформации произошла ценностная революция, которая коренным образом изменила взгляды людей на жизнь и весь облик цивилизации. Корпорации обрели новое экономическое дыхание, они вынуждены были играть по законам рынка и конкуренции. Очевидно, что зарождающийся в недрах феодального строя корпоративизм поспособствовал зарождению элементов демократии, однако и сам претерпел серьезные изменения.

Дело в том, что согласно эггистской теории между государством и его подданными не должно существовать никаких промежуточных структур, и такая «социальная распыленность» ему очень выгодна. Режим ручного управления при полном отсутствии, как бы мы сейчас сказали, элементов гражданского общества. Но усложняющаяся экономика требует своей стратификации и порождает различные гильдии, товарищества, корпорации, союзы и братства. Финансово-экономическая состоятельность вызывает к новым социальным взаимодействиям и их юридическому упорядочиванию. С этими субъектами власть имущие вынуждены считаться, вскоре они становятся промежуточными структурами между государством и индивидом. Такова история зарождения лоббизма, который не является здесь ни тайным, ни позорным. Этот институт призван способствовать соблюдению непосредственных интересов граждан и служить противовесом политической власти, выступает немаловажным фактором, обеспечивающим жизнеспособность демократии. Не случайно развитие корпоративизма, лоббизма достигло апогея в республиках Северной Италии, Нидерландах, Англии, Ганзейском Союзе. Рост корпоративизма, помимо обеспечения динамики экономического роста, способствовал отысканию новых способов пробуждения молчаливого большинства, обострению интеллектуальной активности либеральных институтов и индивидуализации общества. Постепенно подобный процесс охватил весь западный мир, но он имел начало и конец.

Гильдии и корпорации неразрывно связаны с городской жизнью не только в связи с необходимостью развивать промышленность и торговлю, но и в политико-правовом смысле. В отличие от восточных городов в Европе очень рано формируется особое имущественное и процессуальное право, автономно

установленные горожанами суды и органы управления. Для европейского города в политическом смысле характерно наличие обособленного *сословия* горожан в качестве обладателей этих привилегий. Горожане, жившие особой «общиной», подчеркнуто дистанцировали себя от крестьян, хотя сами в свое время вышли из сельских поселений. Но теперь между ними – пропасть. Как пишет О. Шпенглер, «село ведет безнадежную оборону против единоличного господства города: в плане духовном – против рационализма, политическом – против демократии, экономическом – против денег. [...] Ясно также, что дело здесь не в числе обитателей, но и в духе» [25, с. 100]. Все, что выдумывается в городах в смысле государственных форм и экономических отношений, знаний и искусства, на все это недоверчиво взирает сельский житель, продолжающий свой род из поколения в поколение, ограниченный примитивными профессиями и потребностями. Общинное управление у крестьян носило простой и естественный характер, чего не скажешь о городах с их гильдиями, корпорациями, цехами.

Корпорации играли важную роль в управлении средневекового города, они осуществляли общественные дела вместе с городскими официальными лицами. Принятию решений были свойственны поиски взаимных договоренностей, ведь идеологическим фундаментом была гармоничная модель общества. Каждая корпорация рассматривалась как часть живого организма, и все части должны были сотрудничать, чтобы сохранить весь организм здоровым. Поэтому главная функция индивида с точки зрения такого органичного подхода заключалась в его вкладе в общее благо. Но городские жители, отмечает М. Вебер [26, с. 14], были эвентуально членами местных профессиональных союзов, гильдий и цехов, и в этом качестве входили в округа управления: районы, кварталы, улицы. Часть города или улицы могла нести коллективную ответственность за гарантированную безопасность жителей или за выполнение других полицейских мер, и уже на этом основании представители разных гильдий могли объединяться в территориальные общины с выборными должностными лицами. Таким образом, все эти слои вынуждены были думать о чем-то более важном, чем просто об узкопрофессиональных интересах своих корпораций: выстраиванию отношений со знатью, священниками и крупными купцами, заботиться об отведении внешней угрозы.

Форма управления гильдией, как отмечено Г. Дж. Берманом [9, с. 367], была в целом построена по образцу управления городом. Во главе гильдии стояли обычно два или больше представителя; они часто назывались консулами и избирались ежегодно, а иногда каждые полгода и, как правило, без участия городских должностных лиц. Обычно имелось общее собрание гильдии с совещательными полномочиями, а также малый совет для поддержки консулов и других главных исполнительных должностных лиц. Руководящие лица гильдии образовывали третейский суд, в который членам гильдии полагалось обратиться, прежде чем переносить свой спор в суд города. Большую роль играл суд «купеческих консулов», который постепенно распространил свою юрисдикцию на все торговые дела в пределах города. Таким образом, корпоративное и городское право частично пересекались, взаимодополняя друг друга.

Закат средневековых корпораций начинается тогда, когда философы Века Разума и Просвещения начали ставить личность в центре событий. Они объявили, что индивиды имеют естественные права независимо от групп, к которым они принадлежат, – несвойственная для Средневековья идея. Рене Декарт с его «Я мыслю, значит, я существую» отразило важнейший элемент человеческой природы. Способность мыслить дает личности свободу и неотъемлемые права – среди них и право свободного участия в ассоциациях. Индивид должен иметь возможность свободно выбирать группы, к которым он хотел бы принадлежать.

Это послужило основой создания политических партий, в которые объединялись люди близких идеологических ориентаций. Начало такой современной демократии впервые осуществилось в США и во Франции. Политические партии вели соперничество за своих членов и голоса избирателей, но такое соперничество положило конец старой гармоничной модели. Составными частичками социума становятся не органичные группы, а индивиды, способные сами сделать свой выбор. Корпоративизм как мавр, сделавший свое дело, вынужден уходить.

Философия корпоративизма в свое время способствовала устройству западного общества Нового типа. Как известно, перед любым государством стоит неразрешимая задача: сохранить стабильность и порядок, и, одновременно, строя планы на будущее, динамично развиваться. Политико-бюрократическая каста с армией, полицией, чиновниками отвечает за первую часть проблемы. А силой, взявшей на себя строительство планов на будущее, вопросы развития и эффективного руководства, должен быть кто-то другой. Иначе и быть не может, ибо «всякий чиновник обязан придерживаться закона. Он сидит на своем месте не для проявления инициативы, а для поддержания порядка: в уличном движении, в мобилизации земельной собственности, в пересылке срочных телеграмм и бракоразводном судопроизводстве. Никакой инициативы от него не требуется. Всякий генерал является составной частью соответствующей военной традиции, и никакая армия в мире не может позволить любому подпоручику менять полковые традиции или устав полевой службы» [27, с. 5]. Статика и динамика – явления разного порядка, но у государства они имманентно присутствуют как две стороны одной медали.

Поэтому возникает осязаемая потребность, чтобы в социуме для налаживания необходимых государству процессов существовали параллельные структуры. Как порождение корпоративизма на Западе

в этой роли выступило масонство – сетевая структура, обладающая технологиями воздействия на ход событий. Но начиналось все как экономический проект – товарищество вольных каменщиков! Корпоративное масонство составило важнейшее звено в матрице индустриального капитализма и строило его, используя для этого войны и революции. В феномене корпоративизма есть и обратная, «нехорошая» сторона – двойная мораль. Формально стерев перегородки между феодальными сословиями, Западный мир никогда не отказывался поделить людей на сорта и касты. В разговорах об общечеловеческом единении, политкорректности и правах человека зародилось мощное сетевое сообщество, – «Малый Народ как социальный феномен», – пишет О. Кошен [28, с. 253]. С появлением народного представительства уже само государство становится легкоуправляемым, подчиняясь находящемуся в тени сообществу реальных вершителей человеческой истории. Отсюда понятно, что феодально-католический мир – главное препятствие для зарождающихся структур. Он рухнул стремительно – как безнадежно устаревший и не предложивший никаких перспективных альтернатив ни в материальной, ни в духовной сфере.

Средневековье отошло в историю, но дух корпоративизма оказался живуч. В XX в. он проявил себя не только в тоталитарном устройстве муссолиниевской Италии, но и много позже, когда европейская цивилизация окунулась в волну коллективизма конца 60-х и середины 70-х годов. В основе его угадывается фундаментальное заблуждение марксизма о том, что людей следует рассматривать не как индивидов, а как представителей классов, организаций, групп. На международной арене развитие глобализирующейся экономики привело к появлению ругательного термина: «транснациональная корпорация». Она подверглась оплевыванию даже на Генеральной Ассамблее ООН в апреле-мае 1974 г., хотя было понятно, что это еще один повод для нападок на Америку. Причиной тому американизм как концепция, в основе которой принцип индивидуализма как антитезис коллективизма, свободной воли противопоставленной детерминизму. Но если в глобальном мире «транснациональные корпорации» олицетворяли собой эффективную экономическую модель с элементами политического влияния, то природу корпоративизма, коллективизма и детерминизма на уровне социальных структур объяснить довольно сложно.

Как полагает Пол Джонсон [29, с. 306], истоки ее обусловлены господствовавшими тогда европейскими интеллектуальными течениями. Все авторитеты, завладевшие умами Запада (Серван-Шрейбер, Леви-Стросс, Лакан, Барт, Хомски), находились под различной степенью влияния марксистского детерминизма, отрицавшего какое бы то ни было значение личности или свободной воли, или морального сознания при формировании мира. В отличие от своих ортодоксальных предшественников, они не рассматривали экономические силы, действовавшие посредством классов, как единственные двигатели человеческой истории. Выдвигались альтернативные или дополнительные объяснения, но все они сводились к мысли о том, что человек – пленник структур, т.е. события определяются не человеческой волей, а скрытыми структурами общества.

Появление этой формы интеллектуального утопизма совпало, случайно либо нет, с ростом экстремизма, извращением правосудия, чрезмерным влиянием коррумпированных профсоюзов и неприкрытой «грязной» политикой, что неминуемо приводило к общественной конфронтации в стабильных до этого странах. Расцвет структурализма деморализовал США – колыбель совершенно других ценностей. Для лучшего понимания рассмотрим проблему в юридическом ракурсе. Структурализм и мнимый эгалитаризм оказались опасными для правовой системы. Например, в 70-е годы XX в. американские судьи, расширяя идею о гражданских правах, вооружились принципом «положительного действия» [29, с. 270], осуществляя дискриминацию в пользу «обесправленных групп». Все началось с введения «расовых квот», но это было лишь начало: права женщин, гомосексуалистов, инвалидов и многих других общностей толковались судами как обязательные для наделенных властью институций, таких как бизнес или правительство. Корпоративный дух этих социальных групп закалился в судебных баталиях, они заимели свое лобби во влиятельных инстанциях, отвратительным образом взывая к ложным «гуманистическим» ценностям.

С этого момента правовые принципы и юридическая практика, вытекавшая из них, стали изменяться отнюдь не в сторону конституционных ценностей. Структурализм и обманчивая аура коллективизма в конечном итоге обеспечили серьезный нажим на демократию и верховенство закона, девальвировали значение самостоятельного разума и интеллектуальной свободы. Извращенный дух «корпоративизма» и социальной сплоченности новообразованных структур сыграл плохую роль, он усилился в наши дни. Это не имеет ничего общего с тем периодом человеческой истории, когда общины, приходы, гильдии, корпорации, братства и ложи противопоставляли себя реакционным элитам в лице феодалов, королевских чиновников и клерикалов, здраво требуя новых политических, экономических и юридических порядков.

Рассмотренные примеры охарактеризованы с неприглядной стороны, поскольку такой «корпоративизм» подавляет человеческую свободу, чувство индивидуальности и личной ответственности гражданина. Подчеркнутая общественная активность, зачастую перерастающая в агрессивность, не способствует гражданскому компромиссу. Выбивание себе дополнительных квот и привилегий за счет других соци-

альных групп вызывает обратную негативную реакцию, а демонстративное избавление от различного рода комплексов становится источником индивидуальных и массовых неврозов, ведущих к вражде и нетерпимости. Но есть примеры обратного толка, где корпоративизму следует разумное объяснение.

После того, как в 70-х годах XX в. в обиход социальных наук снова вошел термин *корпоративизм*, его использовали очень осторожно, чтобы отграничиться от корпоративных идей Муссолини. Вызвано это было тем, чтобы объяснить устойчивые корпоративные традиции в некоторых европейских демократиях: Австрии, Норвегии, Швеции, Голландии, Дании. Причем речь идет о проявлении корпоративизма в тех сферах, откуда он и начинался в эпоху Средневековья: экономике и управлении, социальном партнерстве. Корпоративные модели о «гармоничном устройстве» прижились не только в Европе. Британский автор Джон Кампфнер, изучая феномен процветания Сингапура, обнаружил там черты успешной реализации корпоративной идеи: «Потребности индивида подчинены интересам коллектива, но тем не менее индивид свободен в большинстве аспектов жизни, а любой талантливый в чем-либо человек вписывается в систему» [30, с. 46]. Однако, доказывается далее [30, с. 48], демократии такого толка превращаются из представительства в опекунов, от прав личности поворачиваясь в сторону коллективного благоденствия. Но эта азиатская модель авторитарного благополучия, добровольный отказ социума от свободы взамен на социально-экономический прогресс не характерна для Запада, что убедительно доказал печальный опыт Италии и Германии времен фашизма и нацизма.

По своей сути корпоративизм в современной европейской демократии выражается во взаимодействии между организациями бизнеса, рабочих и правительства. Эти трехсторонние соглашения способствуют тому, чтобы экономически заинтересованные группы не просто консультировались, но и принимали активное участие в разработке решений. Цель – принятие оптимального решения с пользой для большинства членов общества. Однако из-за такой практики неизбежно падает роль политических партий и парламента, поэтому партийные лидеры должны думать о своем признании в рабочих и коммерческих организациях, что способствует сближению партии с реальной жизнью. Нередки ситуации, когда в парламенте обсуждаются предложения, которые уже одобрены корпоративным путем. В последнее время к классическому трехстороннему корпоративизму «подключаются» и другие заинтересованные субъекты: фермеры, банкиры, потребители, медики, работники общественной сферы.

В качестве примера можно привести Австрию [17, с. 123], где в соответствии с федеральным законом созданы палаты бизнеса, труда и сельского хозяйства. Участие в этих палатах является обязательным, их представители регулярно встречаются с федеральным канцлером, чтобы прийти к согласию по важнейшим экономическим вопросам. Замечено, что корпоративизм наиболее развит в небольших странах, которые сильно зависят от импорта и экспорта. Например, во внешнеторговом балансе Нидерландов импорт составляет более 60%, но высочайшее качество экспорта (часто не имеющего аналогов) позволяет не видеть в этом угрозы экономической безопасности.

Такая ситуация развивается на фоне не внутреннего соперничества между бизнесом и рабочей силой, а из-за необходимости выживания на мировом рынке без протекционизма. Объясняется это следующим образом. В таких условиях рабочие силы осознают, что продукция страны должна быть конкурентоспособной на международном рынке, чтобы не допустить роста безработицы. Бизнес-элиты, с другой стороны, понимают, что им нужны квалифицированные трудовые ресурсы, чтобы экспорт был востребован. Поскольку существует зависимость друг от друга, стороны в большей степени готовы к корпоративному стилю принятия решений. За скобки выведена сфера неквалифицированного труда, доходы там снижаются, в то время как у высококвалифицированных работников – повышаются. Однако тем самым «размывается» корпоративная гармония социума, поскольку «экономическое расслоение приводит к социальной и политической нестабильности, а это, в свою очередь, оборачивается снижением инвестирования и экономического развития» [31, с. 449]. И вот здесь включается третья сторона корпоративизма в лице правительства. Ему приходится стимулировать производительность посредством улучшения человеческого и физического капитала и принимать меры по сохранению стабильности. Не случайно в странах Северной Европы, склонных к такой модели, большая половина ВВП идет на оплату социальных программ, многие из которых попросту вредны и неэффективны.

Есть еще одна проблема, связанная с корпоративизмом. Как было сказано, воздействие корпоративизма на положение страны можно охарактеризовать как положительное, поскольку позволяет гибко реагировать на внешние изменения, прививать чувство солидарности социуму за счет тесных и частых контактов на уровне национальной элиты. Но чрезмерное участие государства претит правилам свободного рынка, а монополия профсоюзов возражает протекционизм и связанную с ним коррупцию, о чем предостерегает Ф.-А. Хайек [32, с. 404]. Внутри самих профсоюзов все меньше внутренней демократии и свободы для его членов, а их лидеры все чаще уподобляются лидерам бизнеса и откровенно им подкупаются. В то же время социал-демократии Северной Европы заправляют в национальных парламентах и участвуют в принятии корпоративных решений, что является, казалось бы, питательной средой для политической коррупции. Но этого нет, о чем следует вести отдельный разговор.

Западные демократии неоднородны, некоторые из них – корпоративные (Австрия, Норвегия, Швеция, Голландия, Швейцария, Германия, Япония), некоторые – плюралистические (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания). При плюралистической системе управления экономически заинтересованные группы остаются за границами государственных структур. Их представители не занимают официальных публичных должностей, не выступают в роли тех, кто принимает решения, как это наблюдается при корпоративизме. Поэтому понятен переполох в высших политических кругах США накануне президентских выборов 2016 г., когда одним из лидеров предвыборной гонки стал миллиардер Дональд Трамп, по сути не связанный с элитой республиканской партии. До этого он был бизнесменом, лоббистом, спонсором, но не политическим деятелем какого-либо ранга. В плюралистической системе воздействие на государственную власть осуществляется главным образом через лоббирование, создание групп влияния (нефтянка, военно-промышленный комплекс, банки и др.). Вопрос о том, какая система – корпоративная либо плюралистическая, является более эффективной, остается открытым. Например, средний ВВП в Швеции и США соразмерен, но там действуют совершенно разные модели управления, типы экономического мышления и правовые инструменты.

Изучение феномена корпоративизма начинается не в политико-правовой, а в экономической плоскости. Вырос он отсюда, затем проявился политически и, наконец, юридически оформился. Политолог М.Л. Крепац [17, с. 131] задался вопросом, как влияет корпоративизм на такие ключевые показатели современной экономики, как безработица, инфляция, забастовки и экономический рост. Результаты следующие. Корпоративные страны имеют невысокий уровень безработицы, не допускают инфляции, предотвращают забастовки, но корпоративный уклад не имеет ощутимого влияния на экономический рост. Более того, видимая социально-экономическая стабильность нередко оборачивается стагнацией, не способствует конкуренции и инновациям, плодит иждивенческие структуры.

Заключение. Во многом ситуация такая же, как и в эпоху зарождения корпоративизма. Получается, что как институт он с течением времени не пережил конкретных изменений, все еще востребован для решения важных социально-политических проблем в целом ряде развитых стран. Если ранее корпорации, создавая гармоничную модель общества, принимали решения вместе с городскими властями и религиозными сановниками, то теперь трехсторонний вариант сохранен следующим образом: организации бизнеса, ассоциации трудящихся, парламентские и правительственные структуры. Поэтому разговоры о забвении идеи корпоративизма представляются преждевременными. Консенсус и диалог, лежащие в его основе, очень созвучны теории конституционализма. На вопрос о том, при какой системе принятие решений является более эффективным – корпоративной либо плюралистической, нельзя дать однозначный ответ: он остается открытым для эмпирических исследований.

Не подлежит сомнению лишь тот факт, что самыми антиконституционными и коррупционными, неэффективными и бесперспективными являются авторитарные, олигархические и клановые системы, не способные обеспечить человеку три важнейших жизненных опоры: личную безопасность, материальный достаток и духовную свободу. Они удивительно похожи. Общество поглощается государством, которое строится по модели корпорации-вотчины, управляемой незыблемым и неменяемым лидером-вождем. И первое, что подлежит стремительному разрушению – конституционный правопорядок. В его отсутствие продолжается разложение государства и деградация социума. И пути выхода из такой ситуации наиболее тягостны и мучительны. Таковы законы общественного развития, иных примеров история не знает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розин, В.М. Генезис права: методологический и культурологический анализ / В.М. Розин. – М. : NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2003. – 336 с.
2. Средние века: история, культура, право : учеб.-метод. материалы / сост.: И.Л. Григорьева, Н.В. Салоников, А.Л. Рогачевский ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2003. – 72 с.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайдено. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс. – М. : Наука, 1996. – 395 с.
5. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Дж. Фридман. – СПб. : Питер, 2016. – 400 с.
6. Сол, Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Дж.Р. Сол ; пер. с англ. А.Н. Сайдашева. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 895 с.
7. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. акад. В.М. Корецкого. – М. : Гос. изд. юрид. лит., 1961. – 951 с.
8. Кропоткин, П.А. Взаимопомощь среди животных и людей / П.А. Кропоткин. – Минск : БелЭн, 2006. – 320 с.
9. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. / Г. Дж. Берман. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.

10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
11. Словарь иностранных слов. – Гос. изд-во иностран. нац. словарей, 1949. – 808 с.
12. Розин, В.М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти / В.М. Розин. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2005. – 352 с.
13. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. В.А. Бабинцева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 560 с.
14. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко ; пер. с итал. А. Шурбелева. – М. : АСТ : CORPUS, 2015. – 352 с.
15. Сорман, Ги. Либеральное решение : пер. с франц. / Ги Сорман. – М. : Новости, 1992. – 272 с.
16. Дэбаш, Шарль. Уводзіны ў палітыку / Шарль Дэбаш, Жан-Мары Пант'е ; пер. з фр. А. Істоміна, С. Барысевіча, Ю. Жалезкі ; пад рэд. І. Бабкова, В. Булгакава, В. Вячоркі, В. Кавалёвай. – Мінск : ЭўроФорум, Беларускі Фонд Сораса, 1996. – 624 с.
17. Штайнер, Ю. Еўрапейскія дэмакратыі / Ю. Штайнер. – Мінск. : Лекцыя, 1996. – 343 с.
18. Эко, У. Пять эссе на темы этики / У. Эко ; пер. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб. : Симпозиум, 2005. – 158 с.
19. Грицанов, А.А. Научный антикоммунизм и антифашизм: популярный комpendium / А.А. Грицанов, А.Е. Тарас. – Минск : ФУАинформ, 2010. – 528 с.
20. Пайпс, Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Р. Пайпс ; пер. с англ. Д. Васильева. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.
21. Хайек, Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. – М. : Экономика, 1992. – 176 с.
22. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы : пер. с англ. / Карл Раймунд Поппер ; под ред. В.Н. Садовского. – М. : Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
23. Теория государства и права : хрестоматия. В 2 т. / авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М. : Юристъ, 2001. – Т. 1. – 620 с.
24. Никонов, А.П. Кризисы в истории цивилизации. Вчера, сегодня и всегда / А.П. Никонов. – М. : ЭНАС ; СПб. : Питер, 2011. – 416 с.
25. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер ; пер. с нем. и прим. И.И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.
26. Вебер, М. Город / М. Вебер. – 2000. – 102 с.
27. Солоневич, И.Л. Диктатура сволочи / И.Л. Солоневич. – М. : Рус. Правда, 2013. – 96 с.
28. Кошен, О. Малый народ и революция / О. Кошен ; пер. с фр. О.Е. Тимошенко ; предисл. И.Р. Шафаревича. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 288 с.
29. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. В 2 т. / П. Джонсон ; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М. : Анубис, 1995. – 480 с. – Т. 2.
30. Кампфнер, Дж. Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости / Дж. Кампфнер ; пер. с англ. С. Львовского. – М. : Астрель : CORPUS, 2012. – 414 с.
31. Бернстайн, У.Дж. Великолепный обмен: история мировой торговли / У.Дж. Бернстайн ; пер. с англ. И. Летберга. – М. : АСТ, 2014. – 508 с.
32. Хайек, Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.

Поступила 15.09.2016

THE CORPORATISM IN THE EUROPEAN HISTORY: COMBINATION OF INTERESTS OF THE INDIVIDUAL AND ASSOCIATIONS OF PEOPLE

A. PUGACHEV

The corporatism is considered as an essential element of city way of the Middle Ages. The emergence of guilds, corporations, fraternities solved the problem of the balance of interests of the state, the individual and society. The concept of corporatism as a form of social organization has deep roots in European history. The main signs of the corporate device are specified. The differentiation of concepts "guild", "brotherhood", "corporation" is carried out. The reasons of opposition of corporations to archaic forms of economic activity and state tradition become clear. The phenomenon of corporatism is analyzed from positions of our days, in practice of the totalitarian and democratic states. The western democracies on a way of decision-making are shared on corporate and pluralistic. The positive and negative manifestations of such devices are considered. Similarity of corporatism and constitutional idea in a historical and modern context is shown.

Keywords: corporatism; community; city; guild; law; structuralism; harmony; constitutionalism; pluralism.